

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dkunilsky@mail.ru

ИМЯ КОХАНОВСКОЙ В ПОЛЕМИКЕ ПОЧВЕННИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ*

Рассматривается история взаимоотношений двух родственных литературных кружков – славянофильства и почвенничества. На примере одного эпизода, связанного с отзывами о творчестве писательницы Н. С. Соханской (Кохановской), показаны сходство и различия этих идейных течений. Разбираются претензии главного представителя славянофильства 1860-х годов И. С. Аксакова к журналу братьев Достоевских «Время». Опубликованная в этом издании анонимная статья «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» повторяла многие идеи славянофилов, но не содержала ссылок на появившиеся ранее в славянофильском журнале «Русская беседа» рецензии на первые произведения Кохановской. Публикация почвеннического автора сопоставляется со статьей близкого к славянофилам критика Н. П. Гилярова-Платонова «О новой повести г-жи Кохановской “Из провинциальной галереи портретов”». В обеих статьях указывалось на близость творчества Кохановской к произведениям С. Т. Аксакова, подчеркивалась положительная направленность этих писателей. Кроме того, рецензент «Времени» критически высказывался по поводу статьи о С. Т. Аксакове, напечатанной в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (СПб., 1861). Появившаяся в газете Аксакова «День» статья Н. М. Павлова о Кохановской, в свою очередь, никак не реагировала на публикацию «Времени». Между тем в позициях почвенников и славянофилов было много общего, что хорошо видно, если сравнить их взгляды с идеями, высказанными по поводу произведений Кохановской М. Е. Салтыковым-Щедриным. Впоследствии И. С. Аксаков в некрологе Кохановской вспомнит именно «замечательную статью» о ней, опубликованную в журнале Достоевского «Время».

Ключевые слова: Кохановская, почвенники, славянофилы, полемика, критика

Надежда Степановна Соханская (Кохановская) имела репутацию непризнанного писателя. Такое мнение высказывалось в начале шестидесятых годов, когда одна за другой появлялись ее повести, о том же говорил Иван Аксаков, подводя итог творческого пути Кохановской. Но критики разных направлений – от славянофилов и сторонников «чистого искусства» до самых радикальных утилитаристов – всегда отмечали своеобразие и несомненный талант писательницы, хотя и находили в ее произведениях существенные недостатки. Особенно интересно, что имя Кохановской сыграло важную роль в истории двух родственных кружков, славянофильского и почвеннического, каждый из которых хотел быть первооткрывателем и защитником нового автора. Все началось с одной статьи в журнале «Время», надолго запомнившейся Аксакову.

Осенью 1861 года Аксаков пишет Соханской письмо, в котором, между прочим, упоминает и петербургское почвенничество. «В последней книжке *Времени*, толстого журнала, издающегося Достоевским в Петербурге, – сообщает Аксаков Соханской, – есть статья: “Явления, не замеченные нашею критикой”. Это явление – вы. Всего забавнее то, что автор, повторяя о вас, чуть ли не слово в слово, все сказанное в *Русской Беседе*,

в то же время совершенно умалчивает о *Русской Беседе*. Вообще – этот журнал славянофильствует отчаяннейшим образом, и при всяком удобном случае нас ругает, говорит, что славянофильство – отживший момент, и хочет создать учение о русской народности – минус вера и нравственный закон!» [12, Т. 44: 570].

Следует отметить, что письмо написано еще до появления статей Достоевского «Последние литературные явления. Газета “День”» (ноябрь 1861 года) и «Два лагеря теоретиков» (1862 год), специально заостренных против доктрины славянофилов. Но и без них Аксакова огорчило полное забвение заслуг славянофильской критики, чем отличалась упомянутая работа «Времени», раздражение вызвала самонадеянность нового литературного кружка. Статья «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» – одна из немногих публикаций почвеннических журналов, упомянутых в письмах Ивана Аксакова. Ни пламенные выступления Достоевского, ни сочувственные отзывы Страхова так сильно не взволновали славянофильского лидера, как эта анонимная статья¹. Для того чтобы понять причины столь неравнодушной реакции Аксакова, необходимо

хотя бы кратко напомнить о значении, которое придавали Кохановской славянофилы.

Надежда Степановна Соханская (1823–1884) – прозаик, драматург, писала под псевдонимом Кохановская². Жила в провинции, в Харьковской губернии, но при этом печаталась в самых популярных столичных журналах. Широко известны были ее повести «После обеда в гостях», «Из провинциальной галереи портретов», статья «Степной цветок на могилу Пушкина». Стремление Кохановской находить в изображаемой действительности, даже посреди семейного деспотизма и кажущейся несправедливости, положительные стороны, наряду с неоспоримым авторским талантом и прекрасным знанием простонародного быта, было очень близко славянофильским представлениям о самобытном русском искусстве. На ее произведения откликнулись в «Русской беседе» К. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, отметил нового автора и А. С. Хомяков. Достаточно сказать, что на иерархической лестнице русских писателей, сконструированной славянофилами, Кохановская была поставлена на высшую ступень – вместе с Гоголем (а где-то и возвышаясь над ним) и С. Т. Аксаковым. «Я вижу в вас зарю нового отношения искусства к жизни, вы – первый русский художник, ставший не в отрицательное, а в положительное отношение к русской жизни» [12, Т. 43: 572–573], – писал ей И. Аксаков, незамедлительно пригласивший к сотрудничеству в своих изданиях. Так в «Русской беседе» (1859. Кн. 5) была напечатана статья «Степной цветок на могилу Пушкина», а в газете «День» – две повести Кохановской³. Критическое отношение славянофилов к большинству появлявшихся художественных произведений заставляло их ревностно относиться к писателям, избранным в качестве выразителей русского народного духа. В их числе оказалась и Кохановская.

Спустя два-три года после детальных разборов «Русской беседы» журнал «Время» печатает статью с вызывающим заглавием «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» [15]. Статья анонимная, и до сих пор высказываются разные мнения по поводу ее автора⁴. В данном случае принципиальным представляется вот какой момент: статья, построенная на основе славянофильских тезисов, умалчивала о самих славянофилах и их «открытии» Кохановской. Более того, происходило литературное покушение не только на славянофильские идеи, но и на их терминологию и самых дорогих им писателей. Поведение, в общем, не новое для русской журналистики и критики, но ярко характеризующее междоусобицы внутри консервативного лагеря.

Полемическая направленность статьи имеет сразу несколько уровней: анонимный автор

бросает вызов критике вообще, особенно критике петербургской во главе с журналом «Современник», не довольствуется оценкой, данной С. Т. Аксакову во втором томе «Энциклопедического словаря», и, наконец, ощутимо затрагивает славянофилов, не называя их при этом по имени. Но для нас важно, что кому бы формально не адресовался упрек, в любом случае нарушались интересы славянофилов, в чем можно убедиться на следующих примерах.

«Не замечали ли вы, – пишет журналист “Времени”, – что внимания наших критиков и рецензентов чаще всего удостоиваются пошлейшие произведения, какие только порождает наша литература? <...> Глумление идет нескончаемо и жар обличения обнаруживается необыкновенный. Зато в отношении к тому, что у нас имеет действительную цену, что нужно любить, холить, – критика слепа и глуха» [15; 22]. В этих словах подчеркивается отрицательный настрой русской критики, ее желание скорее поругать, чем похвалить. Но не только. Тем самым автор дает понять, что до него никто в газетно-журнальном мире еще не дал надлежащей оценки произведениям Кохановской, не отметил положительный пафос ее творчества. Такое заявление было в первую очередь по славянофилам, много говорившим о положительности Кохановской, хотя, конечно, и кроме них талантливую беллетристку удостоили отзывами известные писатели и критики. Н. П. Гиляров-Платонов, сравнивая Кохановскую с С. Т. Аксаковым, специально акцентировал тот же момент: «В самом деле, с этим писателем, который более и полнее других выразил в себе возникающее положительно-художественное направление литературы, у г-жи Кохановской, по нашему мнению, много родственного. Беспристрастное отношение к действительности, внутренняя изобразительность, и в особенности та цельность, та самоуспокоенность, в какой являются изображаемые лица, и которая служит преимущественным признаком положительной художественности, все это есть у того и другого писателя, и – последнее едва ли из всех Русских писателей не у них одних» [10: 68–69].

Почвеннический автор в своем труде также опирается на С. Т. Аксакова как на «явление глубокое и огромное», ставшее «камнем преткновения для узкой и слабой критики». В качестве примера недальнорукости критиков он берет словарную статью об этом писателе и переписывает ее заново. Основная цель переделки – подчеркнуть значение Аксакова для русской литературы, находя красоту и смысл в каждом его сочинении. Наряду с этим отмечалась узость воззрений современных критиков, не сумевших должным образом оценить творца «Семейной хроники».

Вслед за автором словарной статьи⁵, сопоставившим отклики на произведения Аксакова в мо-

сковской и петербургской журналистике, автор «Времени» также проводит параллель между двумя столицами, явно предпочитая Москву. Это сочувственное упоминание московской критики (заметим, что у Лонгинова, наоборот, в качестве авторитетов выступают петербургские журналы, особенно «Современник»), пожалуй, единственный реверанс в сторону славянофилов.

Главное, что старался донести до читателя рецензент «Времени», заключалось в его идее о соответствии произведений Аксакова русской жизни, не идеальной, а той, какой она была на самом деле. Вот почему в статье оправдывается на первый взгляд безучастное отношение автора к героям «Семейной хроники» Куролесову и Багрову, можно сказать, крепостникам, жестоко поступавшим со своими ближними. Людские недостатки персонажей Аксакова, уверен критик, находят объяснение в «типически верном и глубоком изображении действительности». Так же и другое сочинение Аксакова, «Литературные и театральные воспоминания», «несмотря на малое историческое значение многих лиц, которые в них действуют, представляют удивительно живую картину и вполне воскрешают перед нами какое бы ни было, но все-таки *наше* былое время» [15: 25]. Обо всем этом говорилось в духе оформлявшегося почвенничества, с некоторой поправкой славянофильства. Почвенники более широко смотрели на вещи, положительность для них не ограничивалась только лишь идеалом, как это нередко случалось у славянофилов, а охватывала разные стороны русской жизни и состояла в правдивом изображении национального прошлого и настоящего. Хотя заимствования из славянофильской критики очевидны. «Самый Куролесов у него, — писал об аксаковском герое Гиляров, — смягчен: рядом с зверством этого барина, выставлены черты, приобретшие ему признательность крестьян» [10: 70]. Отсюда — прямой путь к непосредственной характеристике творчества Кохановской, по которому автор «Времени» пошел за своим московским предшественником.

Как ранее Гиляров, почвеннический критик готов признать художественные недочеты и технические шероховатости разбираемых повестей: все это вполне окупается ощущением здоровья и теплоты, остающимся в душе читателя. Достаточно и того, что в произведениях Кохановской виден «далекий и светлый идеал», «от них веет русским духом, русскою жизнью» [15: 28]. Все это вполне по-славянофильски. Но тут же автор «Времени», вырываясь из тесных для него рамок доктрины, идет дальше. Характеры, изображенные Кохановской, сопоставляются им не только с действующими лицами «Семейной хроники», но и с героями «Капитанской дочки», чего не говорили ни Гиляров-Платонов, ни К. Аксаков. У всех трех художников автор анонимной ста-

тьи находил прямое, положительное отношение к русской действительности, искреннее любованье ее идеалами. Вдобавок здесь же появляется имя Островского, о ком Гиляров, подчеркивая своеобразие Кохановской, высказался довольно неоднозначно: «Итак, мы можем себя поздравить, что мы будем избавлены от скуки видеть нового *специалиста* художника, в роде гг. Григоровича, Щедрина и отчасти Островского, которые, произведя эффект первыми своими произведениями, вполне, если не исчерпали, то выявили свои дарования» [10: 66]. Такие коррективы и дополнения славянофильской системы заметно отличали почвенничество и своим происхождением были обязаны Ап. Григорьеву, главному пропагандисту и толкователю пьес Островского.

Из чисто терминологических заимствований можно отметить использование критиком «Времени» эпитета «положительный», как его понимали славянофилы. О произведениях Кохановской, например, сказано, что «русская жизнь отзывается, хотя и не выражается вполне... в них своими *положительными* сторонами», а ее герои «суть именно наши желанные образы, положительные лица нашей жизни» [15: 28–29]. В приведенных фрагментах статьи Гилярова подобная мысль излагалась схожим языком.

Как видно, совпадения были значительными и не сопровождались какими-либо ссылками, что возмутило И. Аксакова. Чуть позже, в 1863 году, в процессе переписки со Страховым, связанной с запрещением «Времени», Аксаков вновь вспомнит интересующую нас статью: «...“Время” о повестях Кохановской объявляет, как о явлениях пропущенных нашей критикой, забывая, что “Русская беседа” в статьях моего брата и Гилярова первая определила ее значение в литературе!?”» [7: 23–24]. Недовольство Аксакова легко понять: славянофилов, в сущности, лишали единственного писателя, способного отразить их идеалы в художественной форме. Более того, один из отзывов на творчество Кохановской принадлежал не кому-нибудь, а покойному и горячо любимому брату Ивана Сергеевича Константину.

Несмотря на все эти происшествия, отношения между почвенниками и И. Аксаковым постепенно налаживались, напряженность спадала. Предположительно в конце 1863–1864 году происходит его знакомство с Достоевским, который из-за болезни жены был вынужден поселиться в Москве и посещал аксаковские «вечера», приуроченные к выходу очередного номера «Дня». Весьма вероятно, что в разговорах двух писателей фигурировало имя Н. С. Соханской. В записной книжке Достоевского 1863–1864 годов есть подтверждение этой гипотезе — заметка, предваряемая словом «*Кохановской*»: «Мы многому научились, что бранить на Руси, и иногда бранимся дельно. Но мы совершенно не знаем и не умеем до сих пор, что хвалить на Руси, за что, впрочем,

и нас похвалить не следует» [6, Т. 28: 178]⁶. Можно предположить, что эта положенная в основу редакционного объявления «Эпохи» запись является отражением бесед с Иваном Аксаковым, размышлявшим о необходимости создания новых типов положительного героя [3: 22]. Правда, в отличие от славянофильского публициста, не надеявшегося на возможность появления, Достоевский, не откладывая дела в долгий ящик, разрешил вопрос о положительном отношении к жизни в образе князя Мышкина.

Если почвенники в «Эпохе» стали более уважительно отзываться о «московском направлении», то со стороны славянофилов не было видно ответных движений. Они подчеркнуто не замечали новый кружок. В начале 1864 года на страницах «Дня» печатается повесть Кохановской «Рой-Феодосий Савич на спокойе». Следом идут статьи Н. М. Павлова⁷, в которых вновь выражается славянофильский взгляд на творчество этой писательницы. Павлов не упоминает публикацию в почвенническом журнале и трактует повесть в чисто славянофильском духе. Выступление Павлова представляется попыткой восстановить своего рода монополию на творчество Кохановской, что подтверждает нежелание автора прислушиваться к каким-либо новым мыслям (высказанным теми же почвенниками, например), будто о Кохановской не говорилось ничего дельного с 1859 года, когда вышла статья Гилярова⁸. «Новое произведение Кохановской, – отмечает Павлов, – бесспорно характернейшее из ее произведений» и вместе с тем «наиболее подходит по своему содержанию к газете *День*» [9: 15–16]. Современную русскую литературу Павлов оценивает в стиле К. Аксакова: «Художественных повестей, вообще говоря, нет. Наша, так называемая, изящная словесность сошла вся на роман-фельетон, или даже просто на фельетон» [9: 16]. С особым осуждением Павлов пишет об «отрицательном направлении» литературы, выражавшемся в изображении «лишних людей» и холодности «по отношению к идеалам Русской жизни», подчеркивая, что двигаться в этом направлении значит «идти назад». Последней фазой «отрицательного направления» Павлов называет нигилизм, о чем тогда в «Эпохе» как раз говорил Страхов. И вот важная точка соприкосновения: место литературы в современной общественной ситуации расценивается славянофилами и почвенниками похоже – глубокое познание русской жизни, ее истории, традиций с предпочтительным изображением светлых сторон. Это не всех устраивало – и в творчестве Кохановской в том числе. Салтыков-Щедрин в «Современнике» (1863. № 9) с сожалением писал о том, что Кохановская проповедует смирение, «согласие с действительностью», когда бы нужно было, наоборот, развивать протестные настроения и поднимать народные «массы» (дескать, те же

бы силы – да в верное русло). «Это просто поголовное обвинение всего, что имеет силу или смелость протестовать, – определял Щедрин “теорию” Кохановской, – и сугубое поголовное оправдание всего, что хотя тоже чувствует себя утесненным, но имеет силу и смелость покоряться» [14: 369]. Смысл отрицания, говорит Щедрин, в том, чтобы расчистить дорогу для новой работы, какой – нетрудно догадаться. «Наша роль – роль пропагандистов», – поясняет свою позицию рецензент «Современника» и предлагает «продолжать работу автора, перенести ее в другую сферу и сделать те выводы, которые сами собой из нее извлекаются» [14: 375, 382].

Славянофилы, конечно, вкладывали в повесть Кохановской другой смысл. Произведения Кохановской, как и книги С. Т. Аксакова, стоят «на рубеже» «отрицательного направления» литературы, открывая путь положительному, а в идеале настоящему эпическому воспроизведению русской жизни, чему несколько мешает слишком уж страстное отношение харьковской писательницы к выводимым ею характерам. Почвенники, напомним, вводили в этот круг Пушкина и Островского, чего не допускали тогда ни Аксаков, ни Гиляров, ни Павлов.

Что же касается самой Кохановской, то она получила приглашение участвовать в почвеннических журналах, которым так и не воспользовалась. Очевидно, свой поступок писательница обсуждала с И. Аксаковым, лучше ориентировавшимся в литературной ситуации тех лет. Редактор «Дня» стремился, чтобы произведения Кохановской печатались на страницах его газеты, отчасти поэтому он с излишней взыскательностью оценивает конкурирующее издание: «В *Эпохе* вам участвовать еще можно ради ее покаянного тона и благонамеренности, хотя она совершенно бессильна и как-то жалка. Я не думаю, чтоб журнал пошел хорошо – потому, что в редакции есть добросовестность и некоторый нравственный элемент, а с другой стороны – мало таланта публицистического и смелости» [12, Т. 47: 6]. Ответное письмо Кохановской, прочитавшей сентябрьскую и октябрьскую книжки «Эпохи» за 1864 год, полно возмущения по поводу «нравственной нечистоты и омерзительной распушенности», которые, по мнению писательницы, нанесли отпечаток на публикации журнала [12, Т. 47: 8]. И. Аксаков подтвердил впечатления корреспондентки: «Понимаю все ваше негодование и слышу всю здоровую его силу. Это еще что, *Эпоха*. А вот прочтите-ка за эти же месяцы *Современник* и *Русское Слово*. Просто делается какое-то физическое ощущение тошноты, точно чего-то скверного наелся» [12, Т. 47: 8–9].

Как бы ни разводила жизнь участников этого диалога и Достоевского, их пути нередко пересекались. В 1871 году Кохановская опубликовала свою комедию в журнале «Заря»⁹, где незадолго

до этого появился «Вечный муж» Достоевского. Правда, творческой эволюцией писательницы Достоевский не был доволен («аллилуя с маслом»; [5, Т. 28/2: 323]), продолжая все же следить за ее новыми сочинениями. Имя Кохановской стало своеобразным звеном в отношениях почвенничества и славянофильства, не всегда гладких, но продуктивных для развития русской литературы. Последнее слово в этом вопросе осталось за И. Аксаковым, который так охарактеризовал

в 1884 году Кохановскую и статью о ней во «Времени»: «Русская критика недостаточно оценила сочинения Кохановской. Этому виною не писательница, а сама критика. Уже в журнале Достоевского “Время” было обращено на это внимание в замечательной статье под заглавием “Явления, пропущенные нашею критикою”» [1: 13]. Упомянут близкий Ивану Аксакову Достоевский, а статья, столь возмущавшая когда-то славянофильского публициста, названа «замечательной».

* Статья подготовлена в рамках проекта «Современные аспекты изучения истории и поэтики русской литературы» Программы стратегического развития на 2012–2016 гг. «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кроме, разумеется, известной работы Страхова «Роковой вопрос» (Время. 1863. № 4), обратившей на себя внимание не только И. Аксакова.
- ² См. [5].
- ³ «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» (1861 год), «Рой-Феодосий Савич на спокое» (1864 год).
- ⁴ В. С. Нечаева предположила, что критику написал М. Ф. Де Пуле [11: 240, 263]. Статьи под общим заглавием «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» писал во «Времени» Ап. Григорьев. В петрозаводском Полном собрании сочинений Достоевского эта статья атрибутирована писателю и включена в состав пятого тома [7: 704–709].
- ⁵ Автором этой статьи о С. Т. Аксакове был М. Н. Лонгинов. Однако вызвавший возражения «Времени» небольшой обзор критических отзывов о произведениях Аксакова следует уже после инициалов Лонгинова и не сопровождается какой-либо подписью. См. [9].
- ⁶ «Запись, — отмечает Г. М. Фридлендер, — скорее всего сделана Достоевским еще в Москве, когда он, по просьбе брата, работал над полемической статьей для первых книг “Эпохи”» [6, Т. 28: 400].
- ⁷ Николай Михайлович Павлов (1835–1906) — публицист и литературный критик, автор художественных произведений и исторических трудов. См. [13]. В письме к Гилярову И. Аксаков так писал о своем сотруднике, использовавшем псевдоним «Бицын»: «... Бицын — это Никол. Мих. Павлов, сын знаменитого некогда Профессора Мих. Григор. Павлова, в пансионе которого воспитывался М. Н. Катков. Он (Павлов. — Д. К.) был крестник моего отца... Он даровит и обратил на себя внимание по выходе из Университета покойного брата, который побудил его заняться русской историей» [2: 2].
- ⁸ Единственное, в чем автор соглашается с другими критиками, это оценка «Семейной хроники» как нового слова в русской литературе, причем имеются в виду, скорее всего, те же статьи «Русской беседы», принадлежащие Гилярову-Платонову и С. П. Шевыреву.
- ⁹ «Слава Богу, что муж лапоть сплел» (Заря. 1871. № 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <Аксаков И. С.> Н. С. Соханская (Кохановская) // Русь. 1884. 15 декабря. № 24. С. 12–13.
2. Аксаков И. С. Письмо Н. П. Гилярову-Платонову от 16 марта 1885 г. // РНБ. 847. Ед. хр. 581. Л. 2–3об. Машинописная копия.
3. Аксаков И. С. Письмо Ю. Ф. Самарину от 6–8 марта 1861 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 19–22.
4. Викторович В. А. Кохановская Надежда Степановна // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 112–113.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. Т. 5. 926 с.
7. И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / Slavic Research Group at the University of Ottawa, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.; Оттава, 2007. 192 с.
8. Лонгинов М. Н. Аксаков Сергей Тимофеевич // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб.: В типографии И. И. Глазунова и Комп., 1861. Т. II. С. 391–392.
9. Н. Б. <Павлов Н. М.> Письма к редактору *Дня* по поводу последней повести г-жи Кохановской // День. 1864. 6 июня. № 23. С. 15–18.
10. Н. Г-въ <Гиляров-Платонов Н. П.> О новой повести г-жи Кохановской «Из провинциальной галереи портретов» // Русская беседа. 1859. Т. 3. Смесь. С. 65–86.
11. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865). М.: Наука, 1975. 302 с.
12. Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской // Русское обозрение. 1897. Т. 43, 44, 47.
13. Подмарькова М. В., Александров С. М. Павлов Николай Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 487–488.
14. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. 711 с.
15. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести // Время. 1861. № 9. Сентябрь. Критическое обозрение. С. 20–33.

Kunil'skiy D. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KOHANOVSKAYA'S NAME IN POLEMICS OF POCHVENNIKS AND SLAVOPHILS

The history of relationship between two close literary circles of Slavophiles and Pochvenniks is studied in the article. The similarity and differences between these ideological directions are exemplified through one important episode, which is associated with references to the works executed by N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya). The main representative of Slavophiles S. Aksakov criticized "Vremya", a periodical of brothers Dostoevsky, for its anonymous article "On the phenomenon of contemporary literature ignored by our critics. Mrs. Kokhanovskaya and her novelettes". This article repeated many of the Slavophiles' ideas but did not include any references to the reviews of Kokhanovskaya's works, which were published earlier in the Slavophiles' periodical "Russkaya Beseda". One publication written by an anonymous author is compared to the article of N. P. Gilyarov-Platonov, who was close to Slavophiles. His work was titled "On the new narrative written by Mrs. Kokhanovskaya "From a provincial gallery of portraits"". Both articles pointed to the similarity of the works written by Kokhanovskaya to the oeuvre of S. T. Aksakov and underlined their positive penchant. Besides, one of the journalists from the periodical "Vremya" criticized an article about S. T. Aksakov in the "Encyclopedic dictionary composed by the Russian scientists and literary men" (St. Petersburg, 1861). N. M. Pavlov's article about Kokhanovskaya appeared in Aksakov's newspaper "Den". Pavlov, in his turn, did not respond to the publication in the periodical "Vremya", albeit the similarity in positions of Slavophiles and Pochvennik. This similarity becomes evident upon reading the article written by Saltykov-Shchedrin. Later, I. S. Aksakov in his obituary on the death of Kokhanovskaya reminisced about "a remarkable article" written in her honor and published in Dostoevsky's periodical "Vremya".

Key words: Kokhanovskaya, Pochvenniks, Slavophiles, polemics, criticism

REFERENCES

1. <Aksakov I. S.> N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya) [N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya)]. *Rus'*. 1884. № 22. P. 12–13.
2. Aksakov I. S. The letter to N. P. Gilyarov-Platonov, March 16, 1885 [Pis'mo N. P. Gilyarovu-Platonovu ot 16 marta 1885 g.]. *RNB*. 847. Ed. khr. 581. L. 2–3ob.
3. Aksakov I. S. The letter to Yu. F. Samarin, March 6–8, 1861 [Pis'mo k Yu. F. Samarinu ot 6–8 marta 1861]. *IRLI*. F. 3. Op. 2. Ed. khr. 48. L. 19–22.
4. Viktorovich V. A. Kokhanovskaya Nadezhda Stepanovna [Kokhanovskaya Nadezhda Stepanovna]. *Russkie pisateli. 1800–1917*. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1994. Vol. 3. P. 112–113.
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works in Thirty Volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty* [Complete Works: Canonical texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2004. Vol. 5. 926 p.
7. Ivan Aksakov – Nikolay Strakhov. *Perepiska* [Ivan Aksakov – Nikolay Strakhov. Correspondence] / Slavic Research Group at the University of Ottawa, Gorky Institute of World Literature (IMLI), Russian Academy of Sciences (Moscow). Moscow; Ottawa, 2007. 192 p.
8. Longinov M. N. Aksakov Sergey Timofeevich [Aksakov Sergey Timofeevich]. *Entsyklopedicheskiy slovar', sostavlenyy russkimi uchenymi i literatorami* [Encyclopedic dictionary composed by the Russian scientists and literary men]. St. Petersburg, I. I. Glazunov's and Company's Publ., 1861. Vol. II. P. 391–392.
9. N. B. <Pavlov N. M.> The letters to the editor of "Den" about the last Mrs. Kokhanovskaya's novelette [Pis'ma k redaktoru "Dnya" po povodu posledney povesti g-zhi Kokhanovskoy]. *Den'*. 1864. 6 iyunya. № 23. P. 15–18.
10. N. G-v <Gilyarov-Platonov N. P.> About new Mrs. Kokhanovskaya's novelette "From a provincial gallery of portraits" [O novoy povesti g-zhi Kokhanovskoy "Iz provintsial'noy galerei portretov"]. *Russkaya Beseda*. 1859. Vol. 3. Smes'. P. 65–86.
11. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha" (1864–1865)* [The periodical "Epokha" of M. M. and F. M. Dostoevsky (1864–1865)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 302 p.
12. The correspondence of Aksakov and N. S. Sokhanskaya [Perepiska Aksakovykh i N. S. Sokhanskoy]. *Russkoe obozrenie*. 1897. Vol. 43, 44, 47.
13. Podmar'kova M. V., Aleksandrov S. M. Pavlov Nikolay Mikhaylovich [Pavlov Nikolay Mikhaylovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917*. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1999. Vol. 4. P. 487–488.
14. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: V 20 t.* [Works in Twenty Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. Vol. 5. 711 p.
15. On the phenomenon of contemporary literature ignored by our critics. Mrs. Kokhanovskaya and her novelettes [Yavleniya sovremennoy literatury, propushchennye nashey kritikoy. G-zha Kokhanovskaya i ee povesti]. *Vremya*. 1861. № 9. September. *Kriticheskoe obozrenie*. P. 20–33.

Поступила в редакцию 07.09.2015